

Искусство – вечно! Это – аксиома, но так хочется поразмышлять о связи Времени.

Любое произведение искусства – это Машина Времени, доступная каждому. Зашёл в музей, открыл книгу, послушал музыку, посмотрел фильм, прочёл стихи поэта – и ты уже в другом Времени и месте. Ключом к этой Машине является наша память, обогащённая знаниями.

Но как здорово иметь свою, собственную Машину Времени: стихи, фотографии и картины своего отца, деда, прадеда... Промчаться по всей генетической цепочке, добраться до источников, дарующих радость и муки творчества! Наступает такое время, когда многое, созданное нашими предками, становится востребованным. Оказывается, что они удивительно современны: те же чувства, мысли, та же живая связь с природой, обществом, с историческим пульсом страны.

Вот исповедь творческого человека, полноправного представителя Серебряного века, известного фотохудожника и неизвестного поэта, ВЛАСОВА Владимира Ивановича (09.01.1879 – 15.01.1946), моего отца, который был старше моей мамы на тридцать лет.

Автопортреты отца

благодаря чему мне в наследство достался такой огромный и удивительный отрезок Времени.

ГРЯЗЬ и НЕБО – ЭТО Я!

Моя жизнь, как экран
Безконечных и сменных картин...
 Радость, счастье блеснут
 И уснут...
Им на смену – струится из ран,
Из безмерных глубин
 Многоликой души –
 Кровь в тиши...
То паденье и грубый разврат,
Мерзость тленья,
 Запустенья,
Хохот смерти и трупов удушливый смрад,
То – Неведомый шепчет: «Очнись,
 Оглянись
 на всю мерзость вокруг!» –
Вспыхнет пламя – и вдруг –
Вновь в душе красота,
 И мечта, и мечта,
 и стремление ввысь!..
Я горю, бесконечно горю...
То, как сокол мятежный парю,
 Бурям, грозам подоблачным рад,

То стремительно падаю в ад
Липких, пошлых страстей!..
Миллионом огней
Вечно, вечно,
бесконечно
я горю
пою
О Хаосе Бытия!..

Грязь и Небо – Это Я!

1914 г. (Орфография того времени)

Разве эти чувства не знакомы современному художнику? Творчество – это жизнь души, но питается душа реальностями жизни, явлениями природы, всем Миром, близким и далёким и, конечно, собственными «ножевыми ранами». Хочется вспомнить надпись на одном из домов Парижа (запомнила автора, возможно, Модильяни): «Каждый творит, как может, но только Художник творит своей жизнью, болью и кровью». /Простите, если не совсем точно, гид не задерживался у дома/. Источником вдохновения является сама жизнь, такая же непредсказуемая, как и вдохновение. Стихи моего отца – это живой голос той эпохи, к которой наш интерес не ослабевает, особенно на трудном пути осознания самих себя, своих корней, осмысливания истории своей страны...

Окончив Лейпцигский Университет в Германии, в 1907 году, молодой, образованный дворянин, впитавший дух западной демократической молодёжи, начинающий поэт, Владимир Власов был вхож во многие салоны Петербурга и Москвы, где жил до 1919 года. Об этом маленький фрагмент из его драмы «Призрак»:

«Ухожу – и, очертя голову, кидаюсь в искромётный поток жизни столичных литературно-художественных кружков, пропадаю целые дни на разных выставках, в студиях знакомых художников, а вечера – в домашнем салоне поэта Золотарёва.

Почти ежедневно – новые лица, новые знакомства: внимаю дивной музыке композитора Золотарёва, слушаю поэзы и беседую о творчестве с поэтом Иберяниным, спорю с футуристами. Тут же – и артисты студии Художественного Театра, и художники, и критики, и меценаты, и разные психопатки, и знаменитые жокеи, и дамы полусвета, игроки, шулера: одним словом – хаос литературы, искусства, шарлатанства и порока!...

На фоне хаоса шестнадцатых – восемнадцатых годов...».

Надеюсь, что расшифровывать имена нет необходимости.

В салоне Д.С. Мережковского, с которым он познакомился ещё за границей, Владимир Власов встречался с А. Блоком, часто посещал «Вечера лирики» в «Бродячей собаке». И, если вначале он относился к своим стихам не вполне серьёзно, не пытался публиковать их, то общение с поэтами, их поддержка, несколько изменили его отношение к ним. Стал изучать стихосложение, пробовать классические формы, экспериментировать. Сохранились некоторые его стихи с 1908 года. Есть тетради со стихами, написанными ещё с ять /теперь даже такой буквы не найти на клавиатуре/. Больше всего в рукописях стихов 1912–1917 гг.

Писал стихи и в 20-30 годы, но уж их ни за что не напечатали бы в то время.

Нерв времени звучит во многих его гражданских стихах: «Сампсону» (тупик распутиновщины), «Лики жизни»/(эпоха Керенского), «Гимн России» (после февральской революции 1917 года) и других. Рукописи стихов из окопов Первой мировой войны, пожелтевшие оригиналы, переданы мною в Музей Первой мировой войны, открытый в Царском Селе в 2014 году. О них я написала в статье «Стихи – свидетели живые», опубликованной в газете «Приневский край».

С гордостью и восторгом встретил тридцатипятилетний Владимир Власов Февральскую революцию 1917 года. Уже 14 марта он пишет «Гимн России», который можно отнести и к нашему времени.

ГИМН РОССИИ

Славься, Россия! Славься, Россия!
Славься великий, свободный народ!
В путь обновленья, в путь просвещенья –
Смело, Россия – вперёд!

Недры богаты. Кирки, лопаты
Пусть же сверкают в свободном труде!
Пахарь свободный нивы народной
Пусть не живёт в нищете!

Будешь могучей грозною тучей
Злым лиходеям, тиранящим мир,
Стражем Свободы вольных народов! –
Час твой великий пробил!..

Славься, Россия! Славься, Россия,
Славься великий, свободный народ!
В путь обновленья, в путь просвещенья –
Смело, Россия – вперёд!!

История написания Гимна связана с именем Игоря Северянина. Через два дня после встречи с Власовым он тоже написал свой гимн. «Два Гимна» – это отдельная интересная работа, над которой я работаю уже два года. Слишком глубоко ушла... Не братья.

Но каким тонким лириком предстаёт Владимир Власов в триолете, и в ныне забытой форме – рондель!

ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ (рондель)

Залита золотом аллея,
Горит ажурный листопад.
И гимн осенних серенад
Поёт листва, душой болея...
И гуще тени и краснее –
И нити золота дрожат...

Залита золотом аллея;
Горит ажурный листопад!
Жестокий ветер плющ развеял
Вокруг античных колоннад –
И вьются листья и шуршат...

Осенним ветром леденя,
Залита золотом аллея!

11 дек.1917 г.

ДВЕ РОЗЫ

Ношу я на груди любимые две розы:
Одну – пунцовую, раскрытую вполне,
И беленький бутон... И душу дают слёзы...
И кто из них – дороже мне?!..

Пунцовой выпил я душистый аромат –
Но дорого мне в ней воспоминанье...
Бутона ж белого мне лепестки сулят
Грядущей жизнью очарованье!..

Ношу я на груди любимые две розы:
Пунцовую – и беленький бутон...
И оттого в моей груди безумный стон.
И душу дают слёзы!..

1917 г.

БЫЛЫЕ ОБРАЗЫ

(триолет)

Былые образы как тени
Витают часто надо мной!
 В душистой неге сновидений
Былые образы как тени,
С душевной бурей угрызений,
 Встают назойливой толпой!
Былые образы как тени
Витают часто предо мной!..

9 дек.1917 г.

К 1914 году у него была готова рукопись первого сборника стихов «Звенья крови». Первая мировая война, на которую он ушёл добровольцем, помешала ему издать её. Рукопись он берёт с собой, надеясь, что война будет недолгой, и теряет её во время тяжёлого ранения в 1916 году. Госпиталь на ст. Лосиноостровская, под Москвой, Москва... Он восстанавливает по памяти утраченные стихи, дополняет стихами о войне, о Февральской революции 1917 года, готовит новый сборник, но октябрьская революция меняет не только планы, но и судьбу. Спасая свою большую семью от голода, увозит её из Москвы в глубинку Тверской губернии, где он работает учителем в сельской школе. В этой же школе у Владимира Ивановича учится и моя будущая мама, дочь вынужденного хуторянина, Фёдора Никаноровича Соломина, уехавшего после революции из Свири, что под Питером, со своими одиннадцатью детьми.

Драматическая и романтическая история моих родителей достойна отдельной книги, а герои её – уважения. Да, да, это так! Успеть бы написать об этом! Сейчас это – смысл моей жизни и духовный долг перед ними.

Фото мамы, Клавдии Фёдоровны.
Работа отца. 1932

ВЕНЧАНЬЕ ФЕИ (рондель)

Венчал волшебным я венком
Головку феи моей славной..

Роня стрелы из отравы,
Амур кружился мотыльком!..
Я пальчик ей обвил кольцом
С александритом бледно - алым.
Венчал волшебным я венком
Головку феи моей славной..
И птичий хор звенел кругом
В ажурных кружевах дубравы,
Звеня венчальные уставы..
Её, от пошлых глаз тайком,
Венчал волшебным я венком!..

СПАСИ!

Посв. К.Ф. Соломиной, 1928 год

Я жду мой приговор, суровый, справедливый.
Над зеркалом души, склоняясь, плачут ивы,
Боятся всколыхнуть со дна песок и муть..
Охватывает жуть
При мысли трепетной, что ты убьёшь порывы
И музыку любви..

... Спаси, и не гони,
На казнь не посылай,
Душистый май
Оставь в груди моей!
О, не гаси огней
Моей души! –
Ведь в ней царила мгла –
И ты – те огоньки зажгла!!

К моменту написания этого стихотворения Клавдия (Каля), моя мама, уже два года училась в Брыне, отец был рядом, её опекуном и терпеливо ждал её совершеннолетия, чтобы сделать предложение и обрести счастье. Таковым было условие, по которому она согласилась бежать с ним из родного дома, выполняя слёзную просьбу жены Владимира Ивановича, Анны Тимофеевны: «Спаси его! Останется жив – детей без помощи не оставит!». Влюбившись в свою роковую ученицу, Владимир Иванович в отчаянии хотел отравиться.

Условия договора были соблюдены. В 1928 году мои будущие родители поженились.

Титульный лист книги «Сельскохозяйственное природоведение», которую я нашла в Ленинграде, в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Салтыкова-Щедрина в СПб². Много лет назад мне удалось найти её и сделать копию. Она и сейчас могла бы быть полезной фермерам.

Работники библиотеки любезно сделали мне копию всей книги. Знаю, что была вторая часть, связанная с животноводством.

В 2015 году я, как внучка Власова Ивана Филипповича, выпускника Тимирязевской Академии (тогда ещё Петровской), была приглашена на 150-летие Академии. Выступала перед студентами и преподавателями, показывала книги деда и отца, которые оказались в фонде научной библиотеки академии. Там же, в Тимирязевке, как любовно называют Академию и студенты, и преподаватели, в историческом музее мне немного рассказали о дедушке, расшиф-

Родился и вырос Владимир Иванович в Киеве, в семье учёного, канд. сельского хоз. (как писали тогда) Власова Ивана Филипповича, кавалера многих государственных орденов и медалей, (друга И.В. Мичурина и сахара-хлебо-промышленника И.Н. Терещенко), а также автора учебника «Общее земледелие», для с/х училищ и школ России. В 1913 году вышло третье издание этого учебника. Именно дед редактировал и районировал к российским землям книгу моего отца «Сельскохозяйственное природоведение». Это был ещё студенческий перевод с немецкого книги ректора Гессенского сельскохозяйственного института П. Гизевиуса. Книга моего отца издана в Петербурге в изд. А.Ф. Девриена в 1909 году и хранится в фонде Гос. Публичной библиотеки им.

Иван Филиппович Власов

² Ныне Российская национальная библиотека (РНБ). Прим. ред.

ровали некоторые его ордена и медали. Среди них оказалось два государственных ордена Святого Станислава, которые были вручены за особые заслуги перед Россией. Может быть, от Столыпина, с которым он был хорошо знаком?

О своей бабушке – польке, матери отца, умершей очень молодой во время рождения Кости, третьего ребёнка, знаю только, что её родословная вела к одному из польских королей. Сохранились фотографии её, очень красивой девушки, фото её родителей. Но я не знаю даже их имён. В Киеве мне сказали, что семейные архивы пострадали во время войны. Хотя знаю от моей мамы, что после войны в мезонине дедовского дома ещё жили обе сестры отца – Зина и Нина – от второго брака Ивана Филипповича. Видимо, я не сумела вести поиски. Да и не до того было...

Мой дедушка, Иван Филиппович, и бабушка-полька

Моя бабушка

– Зина и Нина – от второго брака Ивана Филипповича. Видимо, я не сумела вести поиски.

Высокообразованный, умный и талантливый, Иван Филиппович задавал тон интеллектуальному духу семьи. Книжки, театры, музыка, живопись... Художницей стала младшая дочь Ивана Филипповича, Зинаида. Старший его сын, мой отец, Владимир, выпускник Лейпцигского Университета, стал не только учёным-селекционером (печатался в с/х журналах России), поэтом, но и фотохудожником, членом Союза ИЗО. Его работы экспонировались на Всемирной промышленно-художественной выставке 1914 года, прерванной начавшейся Первой мировой войной. На выставке в Троице-Сергиевой лавре в январе 1917 года получил первое место за цветную фотографию Мэри, выполненную специальной техникой – растёртыми масляными красками. Сохранилось несколько его цветных фотографий.

Мои отец и мама, Владимир Иванович Власов и Клавдия Фёдоровна Власова-Соломина. 1935 г.

Родители моей бабушки-польки (имён не знаю)

До сих пор удивляет естественность цвета кожи, ткани, предметов на этих фотографиях.

Цветное фото Анны Тимофеевны,
первой жены отца, 1912

Мэри А.

Мэри А., артистка, балерина, танцевавшая «Умиряющего лебедя» Сен-Санса, чем и покорила Владимира Ивановича в Москве, в 1917 году. С нею связана трагедия «двуликой любви», отражённая в его стихах. Ей посвящена драма «Призрак», написанная Власовым в 1924 году.

Я ПОМНЮ ДЕНЬ. КАК СКАЗКУ³

(Художественная выставка в Троице-Сергиевой лавре,
январь 1917 г)

Посв. Мэри А.

Я помню день... как сказку... чудный сон...
Покинув шум и гам столицы тесной,
Помчались мы с тобой туда, где бесконечный звон,
Где красота обители известной...
Там выставку искусств устроил наш Союз...
Сегодня – вернисаж – день первый обозренья...
С тобой вошли мы в храм любимых нами муз –
Нас встретили друзья с восторгом удивленья!
Я – первым, первым был!.. Меня все поздравляли...
Как триумфатор – я вошёл с тобой в толпу!..
И женщины тебе так льстиво руку жали –
Подруге первого – в душе тая вражду!..
Ты вся была в экстазе обожанья...
Гордился я тобой – виновницей побед! (...)

³Приведён фрагмент стихотворения. *Прим. автора.*

СЕСТРЕ – ХУДОЖНИЦЕ

(Дружеский шарж)

Посв. сестре Зинаиде Ивановне Власовой 1916 г.

Сестра – художница,
Модернистическая Зина,
Сидит, безбожница,
Рисует... образину...
Лицо моё у ней – карикатура,
Без выраженья глаз...
Во всей моей фигуре
Какой-то виден папуас!..

Сестра – уволь! – мне ехать надо! –
Рисуй меня хоть спереди, хоть сзади,
Напрасно тратя карандаш –
Всё выйдет ералаш!

У моего деда – Ивана Филипповича весь дом с мезонином в Киеве был увешан картинами художников, имена которых установить пока не удаётся.

Иван Филиппович Власов со своей семьёй: слева Владимир, Нина, Иван Филиппович, его вторая жена Софья Николаевна и дочь Зина. Сын Константин фотографировал, а дочь Лидия была в отъезде. (Лидия, Владимир и Константин – от первого брака Ивана Филипповича)

Часть картинной галереи в доме деда Власова Ивана Филипповича, Киев.

Иван Филиппович Власов

История происхождения его картинной галереи мне неизвестна. По словам мамы в 1919 году все полотна были переданы государству детьми Ивана Филипповича (сам он умер в 1915 году). Очень хотелось бы узнать судьбу этой коллекции и имена художников, чьи картины хорошо видны на фотографиях. (Кто-то из двадцати шести дворянских семей Власовых оставил в наследство большую картинную галерею. Связано ли это с именем моего деда, не знаю. Но он и сам приобретал картины увлечённо и со знанием дела.)

У моего отца есть стихотворения, посвящённые матери и отцу.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

1912 г.⁴

В покинутом краю, на Украине милой,
Где детство раннее так быстро пронеслось,
Мне дорог уголок с заброшенной могилой,
Поросшей тернием, а не кустами роз...

⁴ Если от 1912 года отнять 20 лет, а отец родился в 1879, значит, моя бабушка умерла в 1891–1892 гг. Не факт, что отец сразу написал стихотворение, дату поставил, когда завершил его... *Прим. автора*

Забыта всеми ты, страдальца земная,
В могильной тишине нашедшая покой..
Как жить хотела ты!.. В мученьях, умирая,
Расстаться было жаль тебе с семьёй родной!..
Ты пала жертвою небрежности преступной;
Едва вступивши в жизнь – угасла в цвете лет,
С непонятой душой – кристальной, неподкупной,
С очами ясными, как солнца вешний свет!..
...Я помню страшный миг: тебя мне показали,
Лежащую в гробу... сказали мне: «Простись,
Ведь, мама умерла, её на небо взяли,
Ты на колени встань, о маме помолись !»..
Не понял я тогда всей тяжести утраты,
В холодное чело тебя поцеловал ;
За жизнь короткую мучительной расплаты
Младенческим умом тогда не сознавал..
...О, мама, милая ! С истерзанной душою
Твой старший сын придёт на твой печальный холм,
Где не был... двадцать лет, где детскою рукою
Когда-то бросил горсть земли в день похорон..
На мрамор он падёт в безудержных рыданиях,
Слезами оросит гранитный мавзолей,
Поведает тебе всю боль немых страданий,
Всю боль души своей!
Родная, приласкай измученного сына,
У Бога попроси прощенья в небесах!
Ты, мама, для меня – единая святыня!
Прости меня, тебя молю в слезах...

НА СМЕРТЬ ОТЦА⁵

Отец угас..
В последний час
Его земного бытия
Не мог быть я
С отцом в последний раз!..
Отец, прости,
Не мсти!..
Нет, ты не будешь мстить,

⁵ Написано в 1915 г. С августа 1914 года по 1916 год был на фронте.
Прим. автора.

Ты знаешь, что душа моя –
 Виновная – болит!..
Я потерял покой..
И образ твой
 Передо мной
 Витает, как живой!..
Как ты страдал, отец –
За что? – за добрые дела,
За то, что вся душа твоя была
Души честнейшей образец?!
 Пройдён твой славный путь..
 Остался след твоих прекрасных дел..
 Ты жил, отец, горел –
И с миром лёг от жизни отдохнуть!
Найди ж теперь уют, покой
В земле, взлелеянной тобой!
 Прости, любя,
 Обидевших тебя.

Мудрой моей маме, пережившей страшную Великую Отечественную войну, оставшейся в тридцать шесть лет вдовой с тремя детьми, много переезжавшей с места на место, удалось сохранить архивы и старые семейные фотографии моего отца. Это – духовное наследие мне, моим детям и внукам. Старшего моего брата Рюрика и младшего брата, усыновлённого, Евгения давно нет.

Низкий поклон им и Царствие Небесное!

К сожалению, я не успела родиться, чтобы застать отца в ту удивительную эпоху, от которой, к моменту моего рождения, у отца осталась только ностальгия, бронхиальная астма и сохранившийся талант фотографа, который кормил его семью до смертного часа. В январе 1946 года этот час настал, когда мне было всего восемь лет. Через три недели после его похорон, не выдержав брюшного тифа и крупозного воспаления лёгких, на его кровати умерла и я. Зеркало не мутнело. Бабушкиной мудростью, материнским отчаянием и Божьим Провидением я была возвращена к жизни. Заново училась сидеть, стоять, ходить... А через два года в четвёртом классе, начала писать стихи. Дурашливые поначалу: «Жил-был дед. варил дед обед и наделал много бед...» Видимо созрели отцовские гены, забурлили генетические роднички. Вот фрагмент из моего посвящения «Серебряному веку и отцу»:

Отец, коленопреклонённой
Сейчас я пред тобой стою.
Как ты, отчаянно влюблённой,
Твои я песни допою.

Я мало общалась с отцом, он больше заботился, чтобы дети были обуты – одеты, не болели, но всегда рядом была моя удивительная мама. От природы талантливая, певунья, плясунья, актриса, хорошо рисовала, занималась с отцом фотографией, преподавала в школе немецкий язык, а двенадцать лет жизни с моим отцом, с этим образованнейшим и талантливым человеком, очень расширили и обогатили её интеллект и духовный мир. Мне кажется, именно через неё лились и полнились святыи и тревожные родники творчества в мою душу. С шестнадцати лет я уже печаталась в районной газете, затем участие в межобластном семинаре молодых авторов, телевидение, благословение от С. Наровчатова и В. Гордейчева, позже от Л. Татьяничевой и Норы Яворской, Это, коротко, мой творческий «послужной список». Думаю, что отец бы приятно удивился

В 1962 году замужество связало меня с Эстонией.

Связующий Времена, наш генетический, творческий РОДник течёт дальше... Стали взрослыми мои дети. Уже можно видеть, какие таланты проявились и реализуются в них. Моя дочь Христина Пош – модельер, стилист, визажист, художник, фотограф, мастер ювелирных украшений из природных камней и бисера. В январе 2015 окончила Парижскую школу Александра Васильева. Моя внучка Виктория, дочка Христины, ученица 11-го класса гимназии, мечтает стать хореографом, сама в школе ставит танцы и занимается в театральной студии. Сын Александр – музыкант, бард-исполнитель. В ранней юности с друзьями, создавал рок-группы «Шанс», «Эссей», «Валхалла». Ребята выступали на городских площадках, ездили с концертом в Швецию. Недавно, на 30-летию Таллинского рок-клуба, где Александр выступал соло гитаристом и соло-вокалистом, его назвали «жемчужиной рока»! Но главным делом для Александра стала ювелирная работа. Его авторские ювелирные изделия получили признание не только в Эстонии, но и за её пределами.

Горжусь своими предками и своими детьми!
Дай Бог, чтобы этот родник не иссяк!

Эстония, Таллинн.